

Борис Емельянов

ПАМЯТНЫЕ
СТРАНИЦЫ
ЖИЗНИ

Борис Емельянов

Памятные страницы жизни

«Издательские решения»

Емельянов Б. М.

Памятные страницы жизни / Б. М. Емельянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749502-2

Книга — воспоминания автора, своего рода калейдоскоп наиболее памятных событий из его жизни с детских до студенческих лет. Читатели из поколения, к которому принадлежит автор, обнаружат много общего с их собственной жизнью, а более молодые будут невольно сопереживать нетривиальным поступкам, радостям и невздам, выпавшим на долю их сверстника из 40—50-х гг. XX столетия. Книга написана искренне, ясным литературным языком, читается легко и увлекает с первых страниц.

ISBN 978-5-44-749502-2

© Емельянов Б. М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. О родителях и их родственниках	7
Глава 2. Из раннего детства	14
Глава 3. Эвакуация: Сталинград – Барнаул – Свердловск	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Памятные страницы жизни

Борис Михайлович Емельянов

© Борис Михайлович Емельянов, 2016

© Иван Григорьевич Антощенко, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-9502-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Написать воспоминания о моей жизни попросили меня почти одновременно оба моих сына ещё в 2001 году, но желания сесть за стол эта идея тогда не вызвала. На такое настроение влияла, прежде всего, загруженность основной работой, но были и другие причины. Я понимал, что жанр воспоминаний, когда в одном лице соединяются и автор, и главный герой, лишь на первый взгляд кажется простым. Особенно сложно раскрывать что-то сокровенное, личное, также как и описывать поступки, оставившие неприятный след в душе. Из прочитанных мемуарных произведений я знал, что быть до конца искренним, «представить» себя таким, каким ты был на самом деле, невозможно. Человек, пишущий о себе, не может не отличаться от того, кого он изображает: создаваемый им образ получается обычно более привлекательным, как бы он ни стремился к полной объективности. Очень не просто «воскресить» и время, в котором довелось жить, происходившие в те или иные периоды жизни события: хотя ты и опираешься на хорошо известные тебе факты, но рассказываешь о них так, как они отложились в твоей душе, и другие люди поведали бы о них как-то иначе.

Прошло около двух лет после завершения трудовой деятельности (2007 год), когда я решил, наконец, откликнуться на просьбу сыновей, обзавёлся компьютером и приступил к делу, стараясь сосредоточиться только на том, что оставило в моей жизни наиболее заметный след.

Буду рад, если рассказанное мною вызовет у кого-то желание вспомнить что-то и из собственного пройденного пути. Ведь, несмотря на различия в судьбах, переживаемые людьми земные радости и невзгоды по сути своей имеют одну и ту же природу. Вместе с тем человек – это целый мир, познать который до конца не может никто – даже он сам: тем интереснее подумать о том, как ты распорядился неожиданно дарованной тебе жизнью, какой след оставил на земле. Поэтому, предназначая свой рассказ для других, я невольно удовлетворял и собственный интерес.

Глава 1. О родителях и их родственниках

История знакомства моих будущих родителей мне неизвестна: мать об этом не рассказывала, а сблизиться по-настоящему с отцом я не успел. Он был целыми днями на работе, а с началом войны мы встречались ещё реже. И всё же он оставил в моей душе заметный след, передал мне, скорее всего сам того не сознавая, что-то очень важное для меня, без чего моя жизнь могла бы сложиться иначе.

Мама крайне редко рассказывала об отце. Ещё меньше я знал о его матери, Елизавете Васильевне, а об его отце, т.е. моём дедушке, не слышал вообще ничего. Виноват в этом и я сам, так как даже и в зрелые годы не проявлял особого интереса к своим родовым корням. Но случилось так, что в конце 1991 года заинтересовался своими предками мой старший сын Сергей, служивший в то время в глухом казахстанском посёлке Чаган. Обратившись в Ленинград, к Марине – дочери моей двоюродной сестры Светланы по отцовской линии, у которых Сергей как-то был в гостях, он получил некоторые сведения, поведенные бабушкой Марины Зинаидой Сергеевной – родной сестрой моего отца. Кроме того, отдельные документы и записи, связанные с отцом, сохранились, как оказалось, у моей матери, что в совокупности позволило узнать неизвестные мне ранее подробности.

Отец мой, Михаил Сергеевич Емельянов, по национальности русский, появился на свет 20 ноября 1914 года. Из сохранившегося документа – повторного свидетельства о его рождении (зарегистрированного 5 сентября 1939 года взамен утерянного) – следует, что отец родился в деревне Екатериновка Курской области (в то время – губернии). На оттиске печати, удостоверяющей документ, видно, что он выдан Марьинским сельсоветом Октябрьского района. По некоторым сведениям половина жителей Екатериновки носила фамилию Емельяновых, а другая – Базаровых. Фактически же отец мог родиться не в самой Екатериновке, а поблизости от неё – на хуторе, где жили его родители.

Марина прислала Серёже копию фотографии родителей моего отца, т.е. моих дедушки и бабушки – Сергея Григорьевича (по-видимому, 1883 года рождения) и Елизаветы Васильевны Емельяновых. На фотографии Елизавета Васильевна, родившаяся 17 апреля 1883 г. в селе Герасимово, недалеко от Старого Оскола (девичья фамилия Чунихина), по социальному положению мещанка, облачена в довольно богатое платье, а Сергей Григорьевич – во фраке, в белой рубашке с галстуком – стоит, положив руку на плечо супруги. У него густая чёрная шевелюра и усы: по мнению моего сына Сергея, он похож на нас с ним.

Предки имели около 100 десятин земли (сдаваемой обычно в аренду) с рошей, усадьбу с добротным домом, мельницу, а также двух лошадей и псарню гончих. Большинство работ по хозяйству выполняли сами. За лошадьми смотрел единственный их работник, очень преданный семье Емельяновых, конюх Николай: он был сиротой и жил при усадьбе. Для уборки хлеба и заготовки сена нанимались крестьяне из Екатериновки.

Из письма Светланы, которую я попросил рассказать обо всём, что ей известно о моих дедушке и бабушке, я узнал, что они очень любили друг друга. Бабушка была из состоятельной семьи, а дед – из бедной, и её не хотели отдавать за него замуж. Елизавета грозилась убежать из дому, и родители уступили. Дедушка мой был очень красивым молодым человеком, а бабушка, как написала Света, – «светская дама». Оба могли изъясняться по-французски.

Бабушка с дедушкой имели троих детей: Александра (1907 г.р.), Зинаиду (1908) и Михаила (1914). Сами они происходили из многодетных семей: у дедушки было две сестры и три брата, а у бабушки – три брата (Аркадий, Василий и Гавриил) и четыре сестры (Нина, Маша, Александра; имя еще одной сестры установить не удалось). Интересно, что обе сестры Сергея

Григорьевича – Анастасия и Маша – вышли замуж за двоюродных братьев его супруги – Елизаветы Васильевны.

Когда началась борьба с кулаками, дедушка Серёжа и бабушка Лиза намеревались уехать с семьёй во Францию, где жили двоюродные братья Елизаветы Васильевны, но не успели из-за последовавших вскоре трагических событий.

Как рассказывала тётя Зина, жители села относились к Сергею Григорьевичу с большим уважением, и когда узнали о предстоящем его раскулачивании, никто из крестьян официального согласия на это не дал. И всё-таки через некоторое время нашлись люди, которые сумели его «подставить» и упечь в тюрьму. По некоторым сведениям (на них ссылалась моя мама в своих записях) его обвинили в смерти заболевшей жены одного из крестьян, которому Сергей Григорьевич, якобы, не сразу выделил подводу для отправки больной в город, где она через несколько дней умерла. Вскоре в одну из ночей усадьбу полностью разорили (бабушка Лиза говорила, что в нападении участвовал и их сосед). Бандиты забрали всё, вплоть до одежды. Но даже в этой обстановке Елизавета Васильевна не растерялась, успев спрятать кое-что из драгоценностей. Ограбление приравняли к раскулачиванию, и местная власть оставила семью «в покое».

Вскоре после этого их дочь Зинаида, проезжая через станцию Касторная-Восточная (Курская область), где остановилась на время пересадки, случайно познакомилась с местным жителем Фёдором, работавшим на железной дороге. Неожиданная встреча оказалась поворотной в судьбе Зинаиды: Фёдору она очень понравилась, и он сразу же сделал ей предложение. Не имея, по существу, собственного пристанища, она, не особенно раздумывая, дала согласие.

Через некоторое время в селение Касторное переехали и её родители – вместе с бывшим конюхом Николаем, которому некуда было податься. Построив небольшую избу, Сергей Григорьевич занялся каким-то кустарным ремеслом, а Елизавета Васильевна устроилась прислугой у врача-хирурга в Новом Касторном. Бывшего их конюха Николая Фёдор определил проводником товарных поездов.

Родители Фёдора жили бедно. Отец его служил ямщиком, пил и как-то по весне вместе с лошастью сгинул подо льдом. Мать Фёдора Арина была большой лентяйкой и, поддерживаемая сестрой Фёдора, всё взваливала на плечи молодой невестки, запрягая её порой даже пахать землю. Непомерный труд сломил даже такую крепкую женщину, какой была Зинаида: она «заработала» себе чахотку и хотела уходить от свекрови. Фёдор глубоко переживал всё это и вскоре отделился от матери и властной сестры, пристроив себе с женой небольшую хатёнку (в войну она была сожжена немцами: кто-то донёс, что в ней жил коммунист).

У Фёдора и Зинаиды Будковых родилось трое девочек: Галя (1929 г.р.), Лиля (1933) и Света (1936). Фёдор Дмитриевич по-доброму относился ко всем, но особенно – к младшей, которую, «из-за горячей любви к Сталину» (так написала Светлана) назвал именем дочери вождя всех народов.

В упомянутом выше письме Света рассказала, что её отец принял живое участие в судьбе Сергея Григорьевича: его разыскивали и вскоре арестовали, но Фёдору Дмитриевичу каким-то образом удалось его спасти.

Через некоторое время Сергей Григорьевич, а позднее и его супруга Елизавета Васильевна переехали в Мариуполь. Ютились сначала у племянницы Елизаветы Васильевны, а позднее – вместе с моими родителями – в частном доме на Паровозной улице. После переезда Сергей Григорьевич устроился на работу – кажется, простым рабочим. Приблизительно в 1937 году он умер.

Старший сын Сергея Григорьевича и Елизаветы Васильевны Александр окончил какой-то институт, женился и больше не давал о себе знать, скрывая своё происхождение. По словам Светы, работал он директором ткацкой фабрики в Волчанске (ныне Харьковская область). Жить ему довелось, однако, недолго – примерно столько же, сколько и его младшему брату Михаилу, т. е. моему отцу. В 1937 или 1938 году он попал под колесо автомашины: упал с борта, на котором почему-то расположился, на какой-то рытвине (по сведениям Зинаиды Сергеевны Александр ехал с группой рабочих на собрание).

Известно ещё, что племянник Елизаветы Васильевны (имя его Света не вспомнила) в 1920-е гг. уехал во Францию. Как писала дочь Светы Марина, «у нас кто-то делал запрос на список его однофамильцев (Чунихиных, Емельяновых)», но ответа не последовало – может быть, у него была уже другая фамилия.

Теперь подробнее о моём отце.

15-летним подростком, завершив учёбу в 7-м классе, Миша уехал в Донбасс и поступил (15 июля 1930 года) в 3-годичную Рутченковскую химшколу ФЗУ (фабрично-заводского ученичества) коксохимзавода. Окончив её с квалификацией машиниста коксового блока, до конца 1936 года работал по полученной специальности в Мариуполе на металлургическом заводе «Азовсталь». В 1937 году был переведён электрослесарем на завод им. Ильича, затем трудился монтажником распределительных устройств, а с апреля 1941 года – мастером электромонтажного цеха.

Подготовке квалифицированных рабочих уделялось в то время большое внимание. Так было и с моим будущим отцом. Около 9 месяцев, с 1 октября 1934 по 22 июня 1935 г., он обучался на производственно-технических курсах при «Азовстали», после чего ему был присвоен очень высокий по тому времени 7-й разряд по специальности бригадир-электрик. Кроме того, как окончивший курсы на «отлично», он был «освобожден от проработки техминимума» (знания и производственные навыки рабочих в те годы периодически проверялись). В бумагах отца имеется удостоверение, выданное ему в марте 1936 года. В нём указано, что он сдал на «отлично» квалификационной комиссии «Азовстали» государственный технический экзамен по специальности «бригадир распределительных устройств», а в сентябре 1937 года, уже на заводе им. Ильича, – экзамен по специальности электрика – также на пятерку.

Думаю, что даже этих кратких сведений достаточно, чтобы понять, как Михаил относился к избранной профессии и каким был работником. Кроме того, как рассказывала мне его мама Елизавета Васильевна, т.е. моя бабушка, Миша с детских лет отличался хорошей смекалкой и склонностью к различным ремёслам. Будучи ещё подростком, сшил красивое, долго потом служившее семье стёганое одеяло, а позднее научился делать или ремонтировать почти всё, что было необходимо по дому. По-видимому, большую роль в его воспитании сыграла его мама – Елизавета Васильевна. Спустя годы я убедился, что эта была удивительно мудрая женщина, наделённая, к тому же, от природы редким педагогическим даром. Я был ещё ребенком и далеко не всегда вёл себя безупречно, но никогда не слышал от неё каких-либо нотаций; всегда получалось почему-то так, что я сам переживал свои проступки. Наверное, поэтому вскоре после нашего знакомства бабушка Лиза стала для меня очень близкой: не раз бывало, когда совершенно непроизвольно я называл её мамой. Теперь я хорошо понимаю, как повезло с матерью моему отцу!

Вероятно, во время учёбы на курсах или после поступления на «Азовсталь» отец познакомился с симпатичной девушкой – Клеопатрой Боруш, работавшей на заводе им. Ильича. 7 декабря 1935 года Миша и Клера поженились.

В одном из наших семейных альбомов есть 2 фотографии: на первой из них, 1936 года, мать и отец вдвоём (к сожалению, значительная часть фото от ветхости утрачена), на второй (от 13 ноября 1937 года) – мать, отец и его сестра Зина. Эти фотокарточки мне всегда были дороги, но особенно часто я возвращаюсь к ним в последние годы. Всматриваясь в них, невольно погружаюсь в размышления, пытаюсь понять те чувства, которые они испытывали в далёкое, незнакомое для меня время. Особенно imponируют открытые энергичные лица отца и его сестры Зины, их живые, обращённые как будто прямо на тебя, глаза, выразительный разлет густых чёрных бровей. Сохранилась и фотография моей будущей матери, сделанная в феврале 1935 года. Не знаю, чем объяснить, но на всех снимках, несмотря на разное одеяние, она выглядит почти одинаково, без особенной живинки во взгляде. Со слов одной из её сестер, мне известно только, что как самой младшей и привлекательной, Клере доставалось больше материнской любви, ей многое прощалось, и, возможно, поэтому она привыкла представлять своё будущее безоблачным, надёжно защищённым от каких-либо невзгод. Могла ли она тогда знать, какие тяготы навалятся на неё уже через несколько лет и как трудно будет ей, лишенной необходимой жизненной закалки, их преодолевать?..

Родилась Клеопатра Федоровна Боруш 25 июня 1914 года в Мариуполе, по национальности была гречанкой, так что мое сердце гонит «по жилам» неразделимую смесь русской и греческой крови. Сохранилась справка, что Клеопатра окончила в июне 1931 года курс Мало-Янисольской 7-летки (не совсем понятно только, почему это произошло в возрасте 17 лет). Какие у неё были школьные успехи, она не рассказывала, но о двух любопытных фактах я узнал из её заметок, написанных в 1991 или 1992 году. Во время учёбы в 6-м классе ей было поручено заниматься ликбезом с пожилыми людьми, жившими по соседству. Занятия она проводила поочередно у домохозяек, и у неё, как она писала, это неплохо получалось. Это не было какой-то местной выдумкой: в те годы ликвидация безграмотности населения проводилась повсеместно. А в 7-м классе Клера участвовала в художественной самодеятельности, играя в школьных спектаклях. Мне это показалось интересным: ведь подобные занятия в столь юном возрасте приносят обычно большую пользу.

К сожалению, в оставленных мамой записках ничего не сказано об её отце, но маму её (мою бабушку), Боруш Евдокию Дмитриевну, я помню: она несколько лет жила с нами в Сталинграде.

Ни мать моя, ни её сестры не знали греческого языка – разве только отдельные слова. Не многое им было известно и из истории переселения греков в Приазовье. Из разговоров с моими мариупольскими тётушками, а больше из некоторых исторических публикаций, я узнал, когда и откуда появились здесь греческие поселения.

Первоначальным местом пребывания предков мариупольских греков был Крым. После русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг., в результате которой Россия овладела берегами Черного и Азовского морей и сделала крымского хана независимым от Турции, Екатерина II задумала «дозволить всем жителям Крыма свободу перебираться с имуществом своим на все четыре стороны... чтобы туркам негде было стать твердою ногою». В 1779 году, в ответ на просьбу митрополита Крымской епархии Игнатия о принятии греков в российское подданство, она разрешила крымским грекам переселяться в Азовскую губернию и жить там, не платя податей в течение десяти лет. В июле 1780 года большинство греков перебралось к местам нового проживания. В основанном незадолго до этого Мариуполе появились выходцы из 6 крымских городов: Кафы, Бахчисарая, Карасубазара, Козлова (Гезлев), Бельбека и Балаклавы. Греки основали в Приазовье около 25 сел, в том числе большое село, которое в память

о Крыме называли Ялтой – в переводе на русский – «берег», «береговой». Насколько мне известно, здесь жили некоторые из более дальних родственников моей матери.

Мариупольские греки, постепенно утрачивая знание своего языка, стали говорить по-русски, не догадываясь порой, что использовали они при этом и греческие слова: в настоящее время в русском языке их насчитывается свыше 6 тысяч (*Источники*: «Союз», 1990, №23, с.19; Бугай Н. Ф., Коцонис А. Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков». Москва, 1999, с.3, 14; «Греки России и Украины». Санкт-Петербург, 2004, с.128—129).

Приазовье понравилось новосёлам: нетронутые сохой плодородные земли и тучные травы позволяли успешно заниматься земледелием и скотоводством. Одно из первых мест занимало и рыболовство: неглубокое Азовское море, тёплое и богатое рыбой, стало важнейшим источником жизни.

После окончания школы моя будущая мама работала на заводе имени Ильича копировальщицей, наблюдателем-хронометражистом на мартеновских печах, на листопрокатном стане и другом оборудовании. Необходимые знания и навыки пользования измерительными приборами она получила на специальных заводских курсах. В мартеновском цехе замеряла температуру плавки в печах и во время розлива металла в ковши, а затем – в изложницы. В листопрокатном цехе контролировала температуру подаваемых на прокатный стан раскалённых болванок, а затем и изделий (листов, рельсов и др.) – по несколько раз до их потемнения. Позднее вела хронометраж загруженности рабочих ряда цехов, отмечала их простои с указанием причин потери времени. Все данные передавала в отдел организации труда (ООТ), где они использовались для устранения выявленных недостатков. С сентября 1936 года, перед моим появлением на свет, до февраля 1939-го, не работала, затем снова поступила на тот же завод. В этот раз она исполняла должности младшего исследователя в отделе капитального строительства, а затем – чертежника в ООТ. В конце августа 1941 года уволилась в связи с начавшейся эвакуацией семей работников завода на Урал и в Поволжье.

У мамы было четыре сестры, самая старшая – Олимпиада Фёдоровна (по мужу – Проценко), 1905 года рождения. Почти с равной периодичностью, через 2 – 3 года, родились: Елена (по мужу – Бадасен), Соня (Топузова) и Люба (Левенчук). Встречи с ними во время нескольких моих приездов в Мариуполь (начиная с 1951 года) оставили у меня тёплые воспоминания. Реже приходилось видеться с Любовью Фёдоровной, поскольку она жила в Коммунарске (в Луганской области), но я очень уважал её за доброту и простую, открытую душу. Нравился мне и её муж, дядя Тима, по внешности очень похожий на хорошо известного моим сверстникам писателя Аркадия Гайдара. Доброжелательный, с лёгкой приятной улыбкой и в то же время с едва уловимой лукавинкой в характерных, немного на выкате, глазах, он как-то сразу располагал к себе, и всегда готов был оказать необходимую помощь. Было видно, что тётке Любе явно повезло со спутником жизни.

Обычно я останавливался у тётки Липы – один или с мамой (в такое время у неё постоянно находилась и тётка Лена). Обе мамы сестры были всегда в добром настроении. Замечательные и поистине неутомимые хозяйки, они готовили очень вкусные блюда, никогда не заглядывая в какие-либо кулинарные справочники. На зиму делали разнообразные заготовки – от солений и варений до томатного сока в пол-литровых бутылках с пробками, заливаемыми сургутом. К приправам покупали только разную зелень да душистое подсолнечное масло. Меня порой удивляло, как они выдерживают такие нагрузки, ведь, например, в 1975 году, когда мы в последний раз приезжали в Жданов (так назывался с 1948 года Мариуполь), тётке Липе шёл уже 71-й год, а она оставалась такой же беспокойной и занятой, как и в прежние мои приезды.

Им нравилось, когда мы гостили у них. Об этом говорили их глаза, неизменно добрые и внимательные. Я замечал, между прочим, что в этой радушной домашней атмосфере делалась более приветливой и весёлой и моя мама.

Нельзя не отметить и еще одно качество старших моих тёток: они любили застолье и умели очень хорошо петь на два голоса под гитару. Я знал, что когда-то Липа и Лена пели в церковном хоре, а иногда – под гитарный аккомпанемент Липы – выступали и в клубных концертах. Особенно им удавался дуэт Полины и Лизы «Уж вечер» из оперы Чайковского «Пиковая дама».

Однажды (это было в 1975 году) во время вечерней весёлой трапезы я услышал в их исполнении старую студенческую песню. Она очень мне понравилась, и я сразу же на вырванном из тетрадки листе записал её текст:

От бутылки вина не болит голова,
А болит у того, кто не пьёт ничего.

Припев: Проведёмте, друзья, этот день веселей,
Пусть наша семья соберется тесней.
Налей, налей, бокалы полней, (2 раза)
Пусть наша семья соберется тесней (2 раза).

Наша жизнь коротка, все уносит с собой,
Наша юность, друзья, пронесётся стрелой.

Припев

Не два века нам жить, а полвека всего,
Так зачем же тужить: это, право, смешно.

Припев

Позднее эту песню я с удовольствием пел в разных ситуациях для друзей и знакомых, что всегда оказывалось своего рода открытием для слушателей и вызывало одобрительную реакцию.

Осталось в моей памяти и ещё одно их увлечение – стихи Тараса Шевченко. Его знаменитый сборник «Кобзарь», на украинском языке, был у каждой из сестёр, они его просто боготворили. С тех пор и мне полюбился его своеобразный талант, страстные и удивительно напевные поэтические строки, и хотя я мало что знал по-украински, мне больше нравилось читать Шевченко на его родном языке. Мне вообще кажется, что излагать на другом языке поэтические произведения очень непросто, если при этом стараться передавать не только их содержание, но и ритмическую гармонию, эмоциональную окраску.

Несколько слов о тёте Соне. Реже, чем с семьями Проценко и Бадасен, но всякий раз по приезду в Жданов, я обязательно встречался и с ней. В отличие от довольно осанистых старших сестёр тетя Соня была сухощавой, крепкой женщиной с заметно более смуглой кожей лица. Я немного знал о её жизни, о пережитых ею горестях, связанных, кажется, с её мужем, но всегда ощущал с её стороны желание поговорить со мной на самые разные темы. Одна из них меня всегда удивляла: в каждый мой приезд она просила рассказать о каких-либо событиях в мире, но особенно интересовалась почему-то Индией. Я говорил ей, что мало что знаю

об этой стране, но она с признательностью воспринимала даже довольно скудные сведения. В такие минуты мне начинало казаться, что тётя Соня и сама чем-то похожа на индианку.

Общался я, конечно, и с детьми моих тётушек – с кем-то чаще, а с кем-то лишь изредка. А дети были у каждой из них: у тёти Лены – трое, тёти Любы – сын Олег – с огромной шапкой светлых курчавых волос, у остальных – по двое. Все они были очень разными не только внешне, но и по характеру. Наиболее близкие отношения у меня сложились с Борисом Проценко, который, несмотря на молодость, успел познать самые разные стороны жизни. Он запросто сходил с людьми, особенно, с девушками, и показался мне вначале излишне раскованным и в чём-то даже бесшабашным. Со временем я понял, что на самом деле он был человеком основательным и очень надёжным, но предпочитал скрывать это за внешне легким поведением и ироничным отношением к жизни.

Глава 2. Из раннего детства

В том, что моё появление на свет было желанным для родителей, я не сомневаюсь, но самые первые воспоминания перемежаются почему-то с некоторыми неприятными ощущениями.

Родился я 8-месячным и, возможно, поэтому имел ослабленное здоровье. Об этом не раз напоминала мне потом мама, заботясь, чтобы я не перегружал себя. Тем не менее, осознавать себя я стал очень рано. В памяти отчётливо отложилось, что я часто плакал перед сном, а порой и ночью, не давая отдохнуть ни отцу, ни матери. Они по очереди носили меня на руках, пытаюсь как-то утихомирить, но это мало что меняло: как только наступало чувство успокоения, я начинал голосить с новой силой, будто пытаюсь тем самым «насолить» за что-то родителям. Мне кажется, я понимал, как нехорошо себя веду, но почему-то не хотел сдаваться. Иногда, правда, меня убаюкивала мамина колыбельная песня (чаще всего – про серого волка, который меня может украсть и унести в лес, если я буду ложиться на бочок и спать на краю), но в целом мое поведение, видимо, изрядно досаждало родителям. Хотя и смутно, но вспоминаются отдельные их разговоры на повышенных тонах и возникавшее между ними отчуждение. Со временем я стал осознавать тревогу и от приключавшихся со мной ночных казусов: сон мой нередко прерывался из-за мокрой постели, которую приходилось полностью менять. Я горько переживал происходящее, особенно если мама проявляла недовольство случившейся со мной бедой.

Размышляя потом о детстве, пытаюсь отыскать истоки зарождения в моём характере некоторых негативных чёрточек, я пришёл к не очень приятному заключению о том, что и в ранний период, и в последующие годы мне недоставало родительской теплоты. Возможно, это выветрилось временем, но я не могу вспомнить ни одного случая, чтобы кто-нибудь из родителей меня целовал. Да и сами они никогда не выражали при мне тёплые чувства друг к другу. Я не видел их обнимающимися, не ощущал их радости от общения. Может быть, они считали недопустимым так «раскрываться» в моём присутствии или просто стеснялись?

Теперь я понимаю, какой ущерб наносит такое поведение родителей ребёнку: от неосознанно «привитой» привычки излишне сдерживать свои чувства избавиться нелегко. Я это испытал на себе, прилагая впоследствии немало усилий, чтобы преодолеть этот изъян в своём характере.

С некоторым запозданием я начал сидеть и ходить. Очень любил ползать и делал это довольно проворно, но когда меня учили стоять на ногах, испытывал страх из-за боязни упасть. Первые шаги, как позднее рассказывала мама, я сумел сделать лишь после 13 месяцев, быстро обнаружив явные преимущества такого способа передвижения. Я чувствовал себя гораздо увереннее и был весьма доволен этой переменной: появились какие-то новые ощущения, что-то необычное в восприятии окружающего меня пространства. Сохранившиеся в памяти эпизоды, когда мне было по-настоящему радостно, относятся именно к этому времени, хотя и тогда случались неожиданные огорчения.

Мне было, наверное, года два, когда папа купил новую электрическую плитку. Нам с мамой она очень понравилась. Квадратный её корпус был литой, чугунный, округлые ножки разведены для лучшей устойчивости, а наружная их поверхность была покрыта блестящим хромом. И вот на такой замечательной плитке мама вскоре затеяла оладьи, и с пылу-с жару клала их для меня в тарелочку. Она умела готовить очень хорошо, но на этот раз её «изделия» были особенно вкусны, а главное, она совсем не ограничивала меня в их поглощении. Аромат

тех чудесных оладий я, кажется, ощущаю до сих пор! Но с этой плиткой связано и другое воспоминание.

В комнате было довольно темно, так как мама отдыхала после обеда, и оконные ставни были закрыты. Я не спал и в какой-то момент зачем-то полез под кровать, где лежали чемодан и наша новая электроплитка. Под кроватью было ещё темнее, но хромированные лапки плитки, будто чем-то освещенные, как живые смотрели прямо на меня. Я испытал настоящий ужас и громко закричал. Мама не сразу поняла, что случилось, и долго успокаивала меня, вытащив злополучную плитку из-под кровати и объясняя, что я напрасно так испугался, но я и потом долго ещё не решался заглядывать под кровать.

Много лет спустя я вспомнил об этом случае, познакомившись с необычными откровениями Михаила Зоценко о поиске причин его тяжёлого психического заболевания, случившегося уже в зрелые годы. Это было его уникальное исследование – «Повесть о разуме». Вспоминая шаг за шагом свою жизнь, тщательно «препарируя» всё происходившее с ним в ранние годы, он пришел к выводу, что источником его мучений мог быть глубокий испуг, перенесённый в детстве, и только благодаря постепенному «самозалечиванию» последствий привнесённой когда-то в его мозг острой травмы Зоценко смог преодолеть смертельный кризис. Это удивительная история привела меня к пониманию, насколько важным для формирования человеческой личности является период его раннего детства, как много значит атмосфера, в которой он растёт – с самых первых дней после рождения.

Еще одна неприятность случилась в один из воскресных дней. Жили мы тогда в Мариуполе на частной квартире у вокзала. Отец собирал приёмник. Через какое-то время он подозвал меня и стал что-то пояснять. Раньше он этого не делал, так как не любил, когда его отвлекали, а мне очень хотелось быть рядом. Совершенно неожиданно этот эпизод едва не окончился для меня серьёзной бедой. Показывая мне части приемника, отец взял в руки одну из металлических фигурных пластин с множеством небольших отверстий, продел в одно из них тонкий гвоздик и начал её вращать. В какое-то мгновение я случайно подался вперед, и пластина одним из углов вонзилась в моё лицо совсем близко от глаза. Отец сильно испугался: ведь глаз мой сохранился лишь по случайности!

Через некоторое время он закончил сборку, сделал красивый деревянный корпус, и приёмник заработал! Это было что-то вроде чуда, и я видел, что отец был очень доволен своим детищем.

Помнятся и некоторые другие эпизоды тех лет. Как-то мы пошли к какой-то родственнице мамы (кажется, это была её двоюродная сестра). Поблизости от её дома я стал играть с местными ребятишками возле старого покосившегося забора с большими деревянными воротами. В какой-то момент, видимо, от чьего-то толчка, ворота неожиданно стали падать и едва не накрыли меня. Тогда я впервые услышал выражение: «родился в рубашке»! Сам же я не придавал происшедшему значения: лишь позднее понял, какой опасности подвергался.

Сегодня мне кажется непонятным, почему меня редко брали на пляж – во всяком случае, в моей памяти как-то не закрепилось естественной для ребенка радости общения с морской стихией. Никакой опасности для меня азовский песчаный берег не представлял: почти повсюду, в том числе, и в городской его части, море было настолько мелководным, что надо было долго брести от берега, чтобы вода дошла хотя бы до колен. Удовольствие от души покупаться в море я восполнил лишь позднее, когда приезжал в Мариуполь в студенческие каникулы. Тогда удавалось не только вдоволь поплавать, но и половить в мелководных прибрежных протоках «бычков» – внешне малопривлекательных толстоватых рыбёшек с необычно широкими головами, которые, однако, в жареном виде были очень вкусны!

Приятные воспоминания связаны с воскресными прогулками с отцом по улицам Мариуполя. В такие дни у отца всегда было хорошее настроение, он откликался на все мои просьбы, покупал пирожное – языки или трубочки с кремом, газированную воду со сладким сиропом и даже мороженое. Оно формовалось прямо при покупателе в металлическом тубусе с поршнем-толкателем из массы, содержащейся в специальном корытце, охлаждаемом снизу льдом, в виде невысоких цилиндрических таблеток, на торцы которых клались вафельные кружочки. Все это нехитрое устройство располагалось на легкой тележке с трубчатой дужкой впереди для удобства перемещения. Любителей мороженого было много, и почти у каждого такого лотка вновь и вновь образовывалась очередь. В тёплые воскресные дни центральная часть города заполнялась множеством людей, и я испытывал гордость, что меня держит за руку такой добрый и красивый папа, на которого невольно обращали внимание. Жаль только, что подобные вояжи были не частыми, но иногда мне удавалось побыть с отцом и за городом, когда он брал меня с собой на рыбалку.

У него было заветное место, где можно было использовать приспособление, которое он называл пауком. Это была довольно большая прикрепленная к округлому ободку провисающая сеть с грузилом на дне, привязанная тремя тонкими стропами к концу длинной жерди. Противоположной её частью отец упирался в песчаный берег, а затем, слегка отклоняясь для равновесия назад, опускал сеть в воду – без какой-либо приманки. Расчёт делался на то, что шныряющие недалеко от берега стайки рыб могли заплывать и в зону сети. Периодически сеть вынималась и нередко с уловом. Много такой снастью не поймает, но удовольствие мы получали изрядное. Я не знаю, продавались ли эти сетки или отец делал их сам, но у других рыбаков подобных устройств я не встречал.

Однажды отец пришел с работы с несколькими своими товарищами и с новенькой гитарой. Оказалось, что она была подарком отцу за какие-то достижения в работе. Сам он играть не умел, но один из гостей довольно уверенно стал перебирать струны, а затем спел под гитару две-три песни. Инструмент всем понравился. Отцу пожелали поскорее его освоить, что он потом и пытался сделать, но уделял этому совсем мало времени. Позднее простейший аккомпанемент разучила с помощью своей старшей сестры мама. Кое-чему научила она и меня: я исполнял несколько весьма простых пьесок и украинскую народную песню, из текста которой запомнился лишь первый куплет:

І шумить, і гуде,
Дрібний дощик іде.
А хто ж мене, молодую,
Та й до дому отведе?..

В детстве меня не баловали игрушками: помню только разборную пирамидку из разноцветных деревянных колец разного диаметра, цветную погремушку и несколько глиняных да тряпичных зверушек. Редко мне доводилось слышать сказки – по-видимому, мама их просто не знала. Иногда она читала для меня детские книжки, но особенно запомнились алфавитные деревянные кубики с наклеенными буквами. Они у меня появились довольно рано, что помогло мне как-то незаметно освоить алфавит, а потом и складывание сначала слогов, а затем и слов.

Очень сожалею, что мне не привили интереса к стихам. Этот пробел сильно досаждал мне в школьные годы, особенно когда меня вызывали для чтения заданного к уроку стихотворения: дома я много времени тратил на его заучивание, но перед классом и учителем нередко «спотыкался». Думаю, что причина моих страданий была и в том, что школьные педагоги никогда

не учили нас приёмам запоминания стихов, но понял я это много позже, когда сам стал интересоваться поэзией.

Сохранились в памяти и отдельные бытовые картинки того времени. Относятся они, в основном, к 1939 и 1940 году, когда мы ещё жили неподалёку от вокзала на Паровозной улице. К тому времени материальное положение людей улучшилось, и многие были уверены, что в дальнейшем жить будет ещё легче. Такое настроение я улавливал и из разговоров взрослых, и по их поведению на улице, по тому, как встречали друг друга знакомые люди.

Не знаю, был ли тогда хлеб в магазинах, но на нашу улицу его регулярно привозил на тележке пожилой мужчина. Хлеб, весовое количество которого соответствовало составу данной семьи, находился в белых полотняных мешочках, на которых была написана фамилия и адрес получателя. Пшеничные буханки были всегда хорошо пропечёнными и, будучи ещё тёплыми, источали чудесный аромат, заполнявший, казалось, всю улицу.

Почему-то отложился в сознании и эпизод совсем другого характера, случившийся в послеобеденные часы одного из знойных воскресных летних дней. Насколько помню, мне было тогда около трёх лет, и я ходил дома голышом. Мама тоже изнывала от жары, и велела мне закрыть ставни. Я отказывался, желая сначала одеться, но она уверила меня, что в это время на дворе никого не бывает и стесняться нечего. Преодолевая робость, я пошёл выполнять просьбу. Выйдя на улицу, я вдруг увидел на противоположной её стороне Майку, соседскую девочку примерно моего возраста – в таком же откровенном виде! Оказалось, что Майка тоже вышла закрыть окна. Она насупилась, бросила на меня недовольный взгляд, быстро затворила ставни и, не проронив ни слова, отправилась домой, демонстрируя свое крепко сбитое локвое тельце. Моё сердце не испытало никаких особых эмоций от неожиданной встречи с представительницей противоположного пола, и я даже не обратил внимания на дарованные Майке природой «интересные» отличия. И всё-таки эта девчонка оставила почему-то в памяти довольно устойчивый след. Может быть, именно поэтому в начале 1950-х годов, посетив вместе с мамой после долгой разлуки свою родину, я вдруг вспомнил про Майку. Мне сказали, что она живёт по-прежнему в Мариуполе, и что уже в 13-летнем возрасте родила дочку. Что ж, подумал я тогда, южанки созревают довольно рано, и такие истории с ними порой случаются. Ничего больше я о ней не выяснил, да меня это и не интересовало, вспоминал о Майке я теперь редко. Почему-то мне представлялось порой, что у неё не всё в жизни сложилось хорошо. В такие минуты я мысленно жалел её – не по годам решительную и в чём-то загадочную девочку из моего детства...

Регулярно бывали на нашей улице старьёвщики, собиравшие вышедшую из употребления одежду и просто тряпки в обмен на детские игрушки: глиняные свистульки, подвешенные на цветных резинках шарики и прочее. Толкая перед собой нехитрые двухколесные устройства с навешанными на них приспособлениями и инструментами, приходили точильщики, лудильщики, режее – столяры, стекольщики и прочие мастера. Какого-либо «расписания» их появления не было; возвещали о своём прибытии они громкими протяжными голосами, называя всё, что могут исправить. Если кто-то их останавливал, они внимательно осматривали прохудившиеся кастрюли, чайники и прочую утварь и определяли, что можно починить, а что нельзя. С солидным видом, без спешки затачивали на наждачных кругах с ножным приводом кухонные ножи, ножницы, топоры; более сложную работу брали с собой и говорили, когда привезут изделие после починки. Им всегда верили на слово.

Не помню, чтобы к ним обращалась моя мама. Объяснялось это просто: подобную работу мог прекрасно делать мой отец. Имелись у него и материалы для починки и шитья обуви: различного типа кожа – в том числе толстая свиная для подошв мягких туфель, куски резины раз-

ной толщины, клей (мездровый, резиновый и даже для поделок из плексигласа). Особенно отец ценил дубовые обувные колодки. Он, видимо, покупал их у каких-то специалистов и старался никому не давать, особенно после того, как один из его товарищей по этому ремеслу «потерял» пару колодок для мужских ботинок наиболее ходового размера. Были также и все необходимые инструменты – в том числе, для столярных, слесарных, лудильных работ. Папа всегда поддерживал их в исправном состоянии, своевременно устранял какие-то дефекты, а кое-что делал и сам. У нас до сих пор сохранились, например, изготовленные им ножницы по металлу и разборный никелированный молоток с полый металлической ручкой с наружной насечкой. На ручку навинчивается сам молоток, а в отверстие на другом её конце, закрываемое резьбовой втулкой, укладываются мелкие инструменты – свёрла и зажимные отвертки.

Часто отцу приходилось по просьбе своих знакомых «оживлять» ручные часы. Для этого он использовал специальные окуляры и набор часовых отверток. Делал он как-то и подзорную трубу, поэтому у нас было немало увеличительных стекол. Всегда имелась и красивая зеленая паста ГОИ – в виде цилиндрических плашек, а также наждачная бумага различной зернистости, вплоть до «нулевки».

Я любил наблюдать, как отец готовил своё рабочее место и как потом уверенно, без суеты, выполнял необходимые операции. Мне нравился запах кожи, особенно, хромовой, резинового клея и бензина. Даже довольно неприятные испарения при варке мездрового клея не очень «смущали» моё обоняние.

Глава 3. Эвакуация: Сталинград – Барнаул – Свердловск

В то время я не задумывался о том, какую роль играл в моей жизни отец. Лишь много позднее я понял, что, наблюдая его за какими-то делами, я многому учился у него, перенимал, сам того не сознавая, что-то полезное для себя. К сожалению, продолжалось это не долго. Всё изменилось 22 июня 1941 года, когда началась война. В отличие от взрослых я не вполне осознавал случившейся трагедии, но вскоре почувствовал, насколько непростые заботы внезапно обрушились на моих родителей.

Из отдельных их разговоров я впервые услышал новое для меня непонятное слово «эвакуация», но вскоре ощутил связанную с ним резкую перемену в нашей жизни. Со скупых слов отца я узнал, что завод им. Ильича, на котором он в это время работал, как и другие предприятия, будет переезжать куда-то очень далеко, на новое место.

Семья наша состояла в то время из четырех человек: отец, его мать – Елизавета Васильевна, моя мама и я. Из записей матери я знаю, что на заводе Ильича отец оставался до 20 августа, затем, с частью других работников, был откомандирован в Сталинград, где вместе с ним оказались и мы. Работал он в Красноармейске – южной части города – заведующим мастерской на судоверфи, ставшей с недавнего времени заводом №264. Позднее я узнал, что создание этой судоверфи началось ещё в 1937 году, когда на базе приволжского затона был организован ремонтный пункт. В его мастерских ремонтировались деревянные баржи, дощаники, надстройки пароходов и несложные судовые механизмы. В августе 1941 года в Красноармейский затон был эвакуирован «Гомельский судоремонтный завод», получивший название Красноармейского судоремонтного завода. Вот на это обновленное предприятие и попал мой отец.

Уехали мы из Мариуполя в Сталинград 21 августа, а прибыли 4 сентября 1941 года. Разместили нас вначале не в Красноармейском посёлке, а в Бекетовке (в Кировском районе) – в деревянном одноэтажном доме: его называли домом ИТР – инженерно-технических работников. Мне в это время было около 5 лет. Мама, как я понял позднее, была на исходе 5-го месяца беременности.

Дом, выстроенный в виде буквы «П», был довольно большим, но плотно заселённым. Семья наша занимала вначале маленькую комнатку, в которой 20 декабря 1941 года родился мой братик – Александр (*не в память ли о погибшем брате моего отца его так назвали?*). Как говорила мама, родился он под бомбёжкой, и удостоверение о рождении в такой нервной обстановке получить не удалось. Вскоре после рождения Саши соседи по квартире (2 человека) уступили нам свою более просторную комнату.

Это был первый, чуть больше года, период нашего пребывания в Сталинграде, о котором запомнилось только то, что отца полностью поглощала работа, и я его почти не видел. Мать регулярно кипятила в оцинкованной выварке, а затем стирала его грубую рабочую одежду. Хозяйственного мыла найти было невозможно, поэтому приходилось использовать каустическую соду, оставлявшую на руках болезненные ожоги. Несмотря на все трудности, мы регулярно мылись, тщательно экономя воду и, особенно, мыло для лица. Купались мы – сначала я, потом мама – в оцинкованном корыте. Процедуру эту я очень не любил – главным образом потому, что мама, не реагируя на мои протесты, всегда использовала очень горячую воду для мытья головы. Дело порой доходило до того, что я просто выскакивал из корыта, не выдерживая такой экзекуции.

Несмотря на занятость на производстве, отец умудрялся иногда находить время и для домашних дел. Он сшил себе и нам босоножки, сделал из алюминиевого листа кастрюлю и ведро, которые прослужили много лет. Затем в нашем доме появился оригинальный, выполненный с большой любовью, перочинный нож – в форме сапожка. Тогда же отец начал делать, но не успел закончить портсигар из плексигласа. Очень красивыми, без единого изъяна, получались у него фигурные пуговицы и мундштуки, собираемые на латунной или медной резьбовой трубке из плексигласовых пластинок разного цвета. Пуговицы и мундштуки он несколько раз продавал на базаре, чтобы иметь хоть какие-то дополнительные деньги.

В начале сентября 1942 года, в связи с тем, что бомбёжки Сталинграда значительно участились, нас решили отправить в Барнаул, а отца, вместе с группой других рабочих, перевели несколько позднее на Уралмашзавод: с конца октября он работал там электрослесарем в Управлении капитального строительства.

Я видел, что отец очень переживал расставание с нами. С таким же настроением к нам приходили как-то его товарищи по работе. Разговаривали они почему-то приглушенными головами. Тогда, конечно, я не понимал причин такой их сдержанности, но ощущение какой-то тревоги, исходящей от взрослых, до меня доходило. Аналогичная атмосфера проявлялась и позднее, когда мы жили в бараке в Красноармейском районе и отец был снова с нами. Однажды я спросил мать, почему отец и пришедшие к нему двое знакомых разговаривали так тихо, что их трудно было понять. Мать от прямого ответа уклонилась, а затем продемонстрировала мне приспособление, об уникальности которого я не подозревал. Она дала мне алюминиевую кружку и велела плотно приставить её открытой стороной к стене, а дном, так же плотно, к уху, что я тут же и сделал. К величайшему изумлению, я вдруг довольно отчётливо услышал разговор людей, живших в соседней комнате! После этого она кое-что пояснила мне. Я, хотя и не в полной мере, понял, что, зная о таком способе подслушивания, взрослые на всякий случай, если касались «серьезных» тем, говорили почти шёпотом. Почему следует бояться чужих ушей, я не совсем понимал, но решил, что отец и его гости опасаются быть откровенными неспроста. Со временем я стал догадываться, что не всё в жизни обстоит так хорошо, как представлялось в моём детском сознании...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.